

24 июля (6 августа)

Священноисповедник

Иоанн Калинин

Священноисповедник Иоанн родился в 1861 году в селе Оленевка Пензенского уезда Пензенской губернии. Отца он не знал, так как мать его, Ксения, родила его, не будучи замужем, и отчество – Васильевич – он получил по имени крестного, а фамилию – Калинин – по матери. Отец Ксении строго наказал дочь за совершенный ею проступок, выставив ее из дому. Но затем сжалился над ней и построил ей небольшой домик неподалеку от оленевской церкви, и Иван стал бывать почти на каждой службе, сначала с матерью, а затем ходить в храм самостоятельно. Воспитанный матерью, он и дружбу вел в основном с девочками, от них позаимствовал он и детские игры, получившие, благодаря его частому посещению храма, церковный характер: куклы у него то шли в храм молиться, то он их отпевал, то нес на кладбище хоронить. Образование Иван получил в сельской школе. Мать, Ксения, вскоре умерла, и он стал жить с племянницами – Татьяной и Марфой, а после их смерти – у своей двоюродной сестры Натальи. Когда он вырос, то часто ходил на оленевское кладбище молиться о родителях, чтобы Господь простил им их грех; молился он и о себе на том месте, которое выбрал как место для своего погребения, где впоследствии и был похоронен.

С детства он хорошо научился шить и вязать, вязал шарфы и перчатки и тем зарабатывал себе на жизнь. Но наибольшую отраду и утешение для себя он находил в молитве. Часто молился по ночам. Наталья, бывало, когда чинила одежду его, говорила: «Все коленки изорвал». В церкви во имя Живоначальной Троицы^а в селе Соловцовка он читал и пел, и в алтаре помогал, и мимо проходящих людей в церковь звал: «Что ты не ходишь в церковь? Матерь Божия накажет. Здесь и Киев, и Иерусалим». Еще подростком он приучил себя к строгому воздержанию в пище, питаясь в основном печеным картофелем и чаем; яйцо ел только на Пасху, а молоко – когда заболел. Под горой в Оленевке со стародавних времен бил родник, о котором он говорил: «Я родился, и родник мой родился... Я его благословил – пусть освящаются и исцеляются...» Он приходил сюда молиться, и часто можно было видеть его на пригорке над родником с маленькой Псалтирью в руках.

В 1920 году епископ Пензенский Иоанн (Поммер)^б, призрев на подвижническое житие старца и приветствовав его желание служить в священном сане, рукоположил его во диакона, но без зачисления в штат, как человека уже преклонного возраста. Дьякон Иоанн служил впоследствии в церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Оленевка и в Троицкой церкви в селе Соловцовка. Больше всего в жизни он любил молитву церковную. «Я отраду вижу только в церкви, – говорил он, – а из дома, как из гроба, встаю и в гроб ложусь; из дома, как из могилы, вылезая».

Ко времени рукоположения дьякон Иоанн уже был известен местным

^а Впоследствии храм был закрыт; возвращен верующим в 1945 г. и освящен во имя преподобного Сергия Радонежского.

^б Священномученик Иоанн (в миру Янис Андреевич Поммер), впоследствии архиепископ Рижский; память 29 сентября / 12 октября.

жителям как молитвенник и прозорливец, и его посещали многие люди. Иные беседовали с ним в храме, а иные у него дома.

Анна Ивановна Кочетова, услышав о нем как о старце, поспешила отправиться к нему в Оленевку узнать о муже Тихоне, который пропал без вести в Первую мировую войну.

От поезда их набралось идущих к старцу человек пятнадцать. Шли кто с каким горем. В сенях ожидали, когда кого примет. Анна Ивановна подошла к старцу и сказала: «Мне от мужа четыре года нет никаких известий... Бог его знает, может он уже не живой...» – «Живой, живой, живой, придет, будет известие». А бывшей тут Марии Ивановне сказал: «Нету живого, не жди». Другая женщина сказала ему: «Давно нет слуха с войны о моем муже». Старец замахал на нее руками и даже повысил голос, сказав: «Скорей, скорей, скорей к поезду ступай. Стой у поезда и дожидайся».

От старца пошли обратно все вместе на станцию, чтобы ехать домой. Женщина та, подойдя к поезду, только что остановившемуся у платформы, увидела, как из вагона выходит ее муж... С радостью они бросились навстречу друг другу.

А Анна Ивановна вскоре получила от мужа письмо, что он находится в Тироле, в плену. Через месяц он вернулся домой.

Сноха некоей женщины, желая жить отдельно, настойчиво просила, чтобы ее отделили, а муж женщины не хотел, и та посоветовала снохе взять благословение у отца Иоанна. Она пришла к нему и сказала: «Я хочу отделиться, а меня не отделяют...» Отец Иоанн ей на это смиренно и кротко, несколько растягивая слова и почти пропевая их, произнес: «Чужие дети не помеха, как бы твои и не по-ме-ша-ли...» Она вернулась домой, буркнув лишь о посещении старца: «Чай и он за вас». Однако, видя ее непрекращающееся недовольство, ее все же отделили, а через год она умерла от приступа аппендицита – ее даже не успели доставить в больницу, и двое ее детей остались на попечении родителей мужа.

К началу 1930-х годов страна была опутана, как паутиной, многочисленными доносчиками, не исключая самые глухие деревни. Дома, где собирались верующие, любое перемещение людей или появление в селе незнакомого человека – все это сразу же отмечалось и доносилось в ОГПУ. В среде верующих, которые рассматривались властью как социально враждебная и потому почти преступная группа, было внедрено значительное число подобного рода людей.

В 1931 году органы ОГПУ произвели в Пензенской области массовые аресты; почти в одно время было арестовано сто двадцать четыре человека во главе с епископом Пензенским Кириллом (Соколовым), возглавлявшим епархию с 1928 года. Поводом для ареста послужило то, что большинство священников епархии за богослужением поминали только Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского)^а и епископа Пензенского Кирилла и не поминали Заместителя Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), а также не поминали они и гражданские власти, что рассматривалось в то время как доказательство враждебности к бывшему тогда политическому строю и считалось достаточным основанием для ареста и заведения уголовного дела. Поясняя свою позицию на допросе, епископ Кирилл заявил, что он никому не запрещал помянуть за богослужением ни митрополита

^а Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский), митрополит Крутицкий, Местоблюститель Патриаршего престола; память 27 сентября / 10 октября.

Сергия, ни власти, хотя сам лично и не всегда их поминал. Пензенская епархия, по его мнению, находилась в особом положении, и если бы он стал распространять и публиковать некоторые указы и декларацию митрополита Сергия, это привело бы к расколу и массовому уходу духовенства и мирян к епископу Гдовскому Димитрию (Любимову). Епископ Кирилл прямо считал виновным в своем аресте митрополита Сергия и, оказавшись в камере с одним из пензенских священников, арестованных вместе с ним, сказал, что если бы не их отношение к митрополиту Нижегородскому Сергию, то они бы не сидели в тюрьме. Но и после ареста епископа Кирилла священнослужители Пензенской епархии до 1933 года продолжали поминать за богослужением только Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра и епископа Пензенского Кирилла.

В начале 1932 года в Пензенский оперсектор ПП ОГПУ стали поступать сведения, что, «несмотря на ликвидацию в городе Пензе контрреволюционной организации церковников, именуемых „истинно православные“, во главе с епископом Пензенским Кириллом <...>, хвосты последней продолжали оставаться, и в особенности в Телегинском районе <...>, каковой особенно насыщен религиозными фанатиками, разного рода юродивыми, старцами, старицами, монашками, монахами <...>. Местом сборищ их в селе Телегине были главным образом кельи монашек <...>. Последние имели тесную связь со <...> старцем диаконом Калининым <...>, каковой в простонародье считается „святым прозорливцем“, пользующимся большой популярностью среди верующих».

3 апреля 1932 года начальник секретного политического отдела Пензенского оперсектора ПП ОГПУ направил рапорт своему начальнику, в котором писал, что «по подработанному агентурному материалу на оставшихся приверженцев организации церковников, именующихся „истинно православные“ по Телегинскому району, <...> выявлен ряд старцев, стариц, бродячих монахов, келейниц, отшельников и прозорливцев, которые помимо внушения верующим своих религиозных взглядов антисергиевского направления открыто высказываются о своей принадлежности к „истинно православной церкви“, проводя антисоветскую деятельность, направленную к срыву проводимых мероприятий на селе».

Среди других были названы диакон Иоанн Калинин, его духовный отец – настоятель закрытого властями Пензенского монастыря архимандрит Иоанникий (Жарков), настоятель храма, в котором служил в то время диакон Иоанн в селе Надеждине, священник Александр Державин, монахи, благочестивые крестьяне, а также почитаемая за прозорливость Наталия Цыганова, к которой крестьяне приходили побеседовать на религиозные темы; лишенная ног, она лежала в постели.

5 апреля 1932 года начальник Пензенского оперсектора дал разрешение на заведение против них уголовного дела. В тот же день был вызван на допрос священник села Ермолаевка Алексей Султанов, который показал, что он посещал болящую Наталью, исповедовал ее и причащал. На него она произвела впечатление изнуренного болезнью человека, так как у нее отсутствуют ноги, среди населения она почитается как святая. Дякона Иоанна также посещает много народа, почитая его за святого. Известность их среди верующих подтвердил и священник Никольского храма в селе Клейменовка Петр Онагров. Один из крестьян, допрошенный в качестве свидетеля, показал, что диакон Иоанн почитается среди верующих как старец, к нему ходят за советами буквально по всем вопросам. Многим женщинам он сказал об их мужьях, пропавших без вести

в Первую мировую войну. Паломничество к старцу Иоанну продолжается в течение десятков лет.

Священник храма в селе Телегине, настроенный к диакону Иоанну враждебно, показал, что народ старца Иоанна почитает за святого, ездит к нему издалека, но не так-то просто узнать о его взглядах на различные церковные вопросы, так как он не высказывается по этим вопросам вслух, боясь породить церковный раскол. «Но не подлежит ни малейшему сомнению, – заявил священник, – что Калинин держится самых старых взглядов на Церковь, и идеологические его воззрения ничем не отличаются от „истиновцев“ <...>. Вред от него советской власти громадный, он ведет самым бесстыдным образом подрывную работу против советской власти, и очень многие слушают его».

8 апреля 1932 года ОГПУ постановило привлечь всех к ответственности как обвиняемых, но из-за преклонного возраста и болезней с некоторых была взята подписка о невыезде с места жительства, как, например, с диакона Иоанна Калинина и Натальи Цыгановой.

Вызванный на допрос настоятель храма села Надеждина священник Александр Державин на вопрос, что он может показать о диаконе Иоанне из села Оленевка, который служит с ним в одной церкви, сказал, что тот «пользуется среди населения большой популярностью. <...> Знаю, что к нему из разных мест стекаются богомольцы за получением тех или иных советов. Ведутся ли разговоры на политические темы – не знаю. В разговоре он человек весьма сдержанный, осторожный. Поскольку является малограмотным, в политике не разбирается».

Архимандрит Иоанникий (Жарков) показал на допросе, что всецело разделяет взгляды епископа Пензенского Кирилла, который благословил поминать за богослужениями в храме Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и его как епархиального архиерея, чему следовали и все священнослужители епархии. С содержанием заявления митрополита Сергия, то есть что в СССР нет гонения, он не согласен, но раз митрополиту Сергию угодно было так написать, на то была его полная воля. Он подтвердил, что диакон Иоанн Калинин действительно пользуется уважением и популярностью среди народа.

Большинство допрошенных священников и крестьян показали, что почитают отца Иоанна за святого человека и старца.

12 апреля 1932 года следователь допросил диакона Иоанна, который, отвечая на его вопросы, сказал: «Жил с племянницами, имел свою келью, занимался вязанием шарфов. По религиозным убеждениям я отношусь к последователям истинного православия. Главой Церкви признаю Петра Крутицкого и поминаю за богослужением Кирилла, епископа Пензенского. Наш священник Державин мне как диакону предложил поминать за богослужением Петра Крутицкого и Кирилла, так я и выполняю. Митрополита Сергия или Димитрия Гдовского я не знаю <...>. Последователи Сергия или Димитрия для меня неизвестны <...>. Я живу на положении келейном, ко мне действительно иногда приходят некоторые граждане <...>. Приходят иногда женщины из окружающих деревень <...>. По отдельным вопросам приходящим ко мне давал краткие советы. Бесед затяжного характера в своем доме ни с кем у меня не бывает; я, поскольку человек больной, стараюсь находиться все больше в покое <...>. Ухаживают за мной две старые девы – тоже келейницы».

8 мая 1932 года было составлено обвинительное заключение, в котором все арестованные обвинялись «в том, что, будучи тесно связаны друг с другом, имея

единое намерение противопоставить себя мероприятиям, проводимым советской властью на селе, путем распространения ложных слухов о скором падении советской власти, о нежизненности колхозов, намереваясь восстановить недавно ликвидированную организацию церковников „истинных“, связываясь между отдельными ее членами через бродячих монахов и монашек, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 58 пункты 10 и 11 УК.

Все привлеченные обвиняемые в предъявленном им обвинении в части ведения антисоветской деятельности виновными себя не признали. Однако не отрицают принадлежность к „истинно православной церкви“. По своим религиозным убеждениям являются противниками митрополита Сергия, считая его вместе с опубликованной им декларацией продавшимся гражданской власти, из чего явствует их враждебное настроение и к существующему строю правления».

14 мая 1932 года тройка при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю приговорила арестованных к различным срокам заключения и ссылки, от приговора была освобождена только обвиняемая, не имевшая ног; диакон Иоанн был приговорен к лишению права проживания в двенадцати городах Средне-Волжского края на три года.

Отец Иоанн вернулся домой; он служил, когда позволяли силы, во Введенском храме в селе Соловцовка и по-прежнему принимал людей, ищущих совета, помощи и утешения.

В 1933 году в селе Соловцовка раскулачили одну из семей: хлеб из амбара забрали, скотину угнали, арестовали хозяина, и супруга его с горечью стала всем жаловаться: «Ну все, мы пропали!» Ей посоветовали сходить к старцу Иоанну в село Оленевка. «С чем же я пойду, у меня ни рубля нет?» – сказала она. Но все же заняла один рубль и пошла. Заливаясь слезами и горько сетуя на случившееся, она стала рассказывать старцу о своем горе, причитая, что только одно ей и осталось, что помереть. «Ничего, ничего, ничего, – быстро заговорил отец Иоанн, – он придет, не плачь. Как жили, так и будете жить». Справившись с овладевшим ею было унынием, она начала работать, и Бог стал давать ей все необходимое для жизни, а через пять лет вернулся и муж.

Недолго прожил диакон Иоанн в селе Оленевка. 20 декабря 1933 года начальник секретного политического отдела полномочного представительства ОГПУ Средне-Волжского края направил прокурору края докладную записку, в которой писал: «По имеющимся проверенным данным, в городе Пензе, в Пензенском районе, а также в районах Лунинском, Телегинском, Нижне-Ломовском, Каменском <...> существуют контрреволюционные группировки, участники которых ведут активную контрреволюционную деятельность. Руководящим ядром по отношению к сельским группировкам являются <...> церковники города Пензы, которые, будучи связаны через своих приближенных с сельскими группировками, направляют свою деятельность на противодействие мероприятиям советской власти...»

21 декабря прокурор дал санкцию на арест всех, чьи имена были перечислены в докладной записке. 30 января 1934 года начальник 4-го отделения секретного отдела допросил диакона Иоанна.

«С самого детства я в своем селе Оленевка веду подвижническую жизнь, – сказал диакон. – Мое поведение как подвижника, весь образ моей жизни создали обо мне славу как о праведнике и прозорливце, но сам я знаю о себе – этого во мне нет. Видя, что народ меня считает за праведника и прозорливца, я не

разубеждал его в этом. Вследствие этого, еще с дореволюционного времени, ко мне очень многие из ближних и далеких мест ходили за советами по самым разнообразным вопросам и поводам. Начиная с того примерно: можно ли выйти замуж или жениться и кончая тем, что делать тем, кого обидела советская власть – раскулачила или выслала, или обложила налогами и т.д. Всем, кто приходил ко мне с жалобами или [за] советами, я давал эти советы, успокаивал и призывал к терпению. Из таких лиц, которые меня посещали чаще других и которым я давал советы, помню следующих: Плешаков Осип Иванович, староста конногородской церкви, который просил у меня благословения принять в их церковь популярнейшего в городе Пензе священника Николая Касаткина^а. Во второе посещение он у меня просил совета, как организовать общественные обеды для старцев и странников, группирующихся вокруг конногородской церкви; по его словам, эти обеды организовать рекомендовал Кузнецкий епископ Серафим. На это я ему ответил, что раз власти пока не препятствуют, то это дело хорошее и его надо делать.

В третье посещение он мне доложил, что он дает какому-то Федору¹ из церковных сумм деньги на содержание старцев-пещерников. Когда же попросил этого Федора показать ему старцев, то Федор это сделать отказался. Я в этом деле усмотрел простое мошенничество и Плешакову запретил давать деньги. <...>

Шашин Осип и Шурунов Александр, регент конногородской церкви, обращались ко мне за советом, выполнять ли им предложение ссыльного иеромонаха Нектария Немчинова о пострижении в монахи. Я их на это не благословил.

Кузьмин Илья² был у меня два раза, приходил ко мне как к... старцу с той целью, чтобы я признал его как пророка Илью. Я с этим согласиться не мог, так как усмотрел в нем мошенника, своевольно толкующего Евангелие и намеревавшегося в своих целях использовать мой авторитет. После этого Кузьмин ко мне ходить не стал <...>. Также я не стал принимать мою последовательницу Давыдову Марфу, которая признала Кузьмина Илью и объявила себя Христовой невестой.

Сторож конногородской церкви Степанов приходил за советом, как ему быть с сыновьями, которые его не слушаются.

Из Кучек была ссыльная монашка мать Евгения по дороге в Пензу. Она мне говорила, что с каким-то поручением едет от священников к Кузнецкому епископу Серафиму. Попутно я ей поручил договориться с Серафимом о том, чтобы он мне разрешил надеть монашескую скуфью. Но обратно она ко мне не зашла, и я ответа от Серафима не получил.

Старец Ермолай Иванович, фамилии не знаю, происходит из села Телегина, приходил просто проведать. Говорил мне, что во дворе имеет земляночку, в которой молится. На это я отозвался одобрительно, высказав сожаление, что настолько ослаб, что не могу вырыть для себя такой земляночки <...>.

Неоднократно ко мне приходила старушка Александра из Кронштадта, бывшая прислужница Иоанна Кронштадтского. Я ее принимал как не имеющую приюта».

На следующий день после допроса было проведено медицинское

^а Авторитет старца Иоанна был настолько велик, что сначала староста отправился взять благословение на приглашение священника на служение в храм у старца, затем по получении благословения обратился к благочинному и только после этого направил рапорт епископу Кузнецкому Серафиму (Юшкову), в чьем управлении были тогда эти приходы.

обследование старца, которое установило, что вследствие преклонного возраста и сурового образа жизни он находится в состоянии «старческой дряхлости на почве физиологического увядания организма». При таком состоянии здоровья казалось, что старец вскоре умрет, и следователь потребовал от него, чтобы он дал обязательство, что, живя в Оленевке, не будет больше никого принимать, не будет никому давать советов и не будет совершать богослужений ни в церкви, ни дома.

26 февраля 1934 года следователь написал в постановлении об отце Иоанне: «В деле имеется достаточно компрометирующих данных, указывающих на его руководящую роль в деятельности ликвидированного контрреволюционного образования. Однако, учитывая данные медицинского осмотра, указывающие на то, что Калинин, вследствие его болезни и преклонного возраста, семьдесят девять лет^а, передвигаться на далекое расстояние без посторонней помощи не может, считаю, что привлечение его к ответственности будет нецелесообразно».

5 июня 1935 года Президиум Куйбышевского крайисполкома постановил закрыть храм в селе Соловцовка. Верующие не согласились с этим и, собрав около тысячи подписей под прошением об оставлении им храма, отправили ходатайство во ВЦИК. Устно им было обещано, что храм до рассмотрения вопроса во ВЦИКе не будет закрыт, но местные власти потребовали от них письменного подтверждения данного обещания.

9 февраля 1936 года ответственный секретарь по вопросам культов при Президиуме ЦИК Союза ССР представил заключение по жалобам верующих села Соловцовка, в котором писал, что ближайшая действующая церковь находится в семи километрах; основанием закрытия церкви является то, что в селе сгорела школа, а самое подходящее помещение под школу – это церковь. В тот же день старый друг Ленина, председатель Комиссии по вопросам культов Петр Красиков, подтвердил это решение своей резолюцией: «согласен с передачей по ликвидации под школьное помещение». 16 февраля Комиссия постановила решение местных властей утвердить и в здании храма разместить школу. В этом же году храм был переоборудован – но не под школу, а под клуб.

Прихожане, однако, с таким решением не согласились и 3 июня 1936 года направили жалобу в Комиссию советского контроля³, но ответа на нее не получили.

Храм в селе Соловцовка был закрыт, и отец Иоанн, когда позволяло здоровье, стал служить в храме во имя Успения Пресвятой Богородицы в селе Князевка. Молился старец зачастую ночью, со слезами, и хотя и ходил с трудом, делал много поклонов. Желая скрыть свои подвиги, он никогда никого из посетителей не оставлял у себя на ночь, а отправлял к кому-нибудь; и те, кто испытывал нужду в ночлеге, и те, к кому он посылал, всегда рады были его благословиению. Обыкновенно он отправлял к тем, кто сам нуждался в помощи. В селе, например, жила старушка Наталья, которая стала переживать, что по старости и малосилию не сможет заготовить дров. Старец послал к ней ночевать Евдокию Кучарову с двумя женщинами, и они быстро перепилили бревна и накололи дров, так что старушка благодарила и их, и старца и уже не знала, как

^а На самом деле ему было в то время семьдесят три года. Будучи арестован в 1932 г., он сразу назвал иной (1854) год рождения и этого года впоследствии придерживался. Проверить же истинную дату его рождения было невозможно, потому что именно за тот год, когда он родился, метрическая книга отсутствовала.

бы их лучше расположить у себя на ночлег.

Две женщины, София и Матрона, пришли побеседовать к отцу Иоанну и уже собирались домой, когда старец сказал: «Не ходите домой, оставайтесь ночевать, идите к Ксении, она вас пустит». И объяснил им, где та живет. Ксения в это время тяжело заболела и стала уже волноваться – кто поможет ей по хозяйству. Нежданные гости все сделали: корову подоили, теленка накормили, еще вечером дела начали делать, а утром продолжили. Ксения только удивлялась, откуда отец Иоанн узнал, что она нуждается в помощи, – никому она о своей болезни не говорила, из дома не выходила, и к ней никто не заходил.

Как-то шла к старцу женщина и по дороге была сильно борима помыслом: «Зачем я деньги несу, лучше бы купила кренделей ребятишкам и накормила бы их». Пришла и говорит: «Батюшка, я тебе деньжонок принесла». – «Мне не надо, – ответил он. – Пойди, купи кренделей ребятишкам и накорми их».

В те годы старцу пришлось испытать много насмешек и прямых гонений и от властей, и от некоторых своих односельчан. Однажды, когда он молился в лесу, его подстерегли злоумышленники и привязали к дереву, а сами ушли – пусть, мол, ему поможет Тот, Кому он молился. На него натолкнулся односельчанин Иван Морозов, который и привез старца домой чуть живым. На вопрос, кто это с ним сделал, старец отвечал скороговоркой: «Бог с ними! Бог с ними! Бог с ними!» В другой раз хулиганы сбросили его в овраг, засыпанный мусором. Всю ночь он ползал по дну и стенам оврага, но по немощи сам не смог выбраться, и только утром его отыскали, окровавленного, с синяками на теле. Дома его спросили: «Кто тебя, батюшка, затолкал туда? Не побили ли тебя? Как ты туда попал?» – «Бог с ними, Бог с ними, Бог с ними», – отвечал старец.

В 1936 году член Оленевского сельсовета написал на старца донос, что в его доме «постоянно происходят сборища бродячих элементов и некоторых местных граждан <...>. Калинин <...> ведет образ жизни блаженного. На селе появляется очень редко. Принимает <...> всех паломников дома...».

24 октября 1936 года в доме у старца был произведен обыск, в нем участвовали представители РИКа, сельсовета, милиции и районного отделения НКВД. После обыска был составлен акт, в котором оказалась подробно описана его келья: «Квартира из одной комнаты, <...> в переднем углу комнаты висят двадцать две иконы разного размера от 80 сантиметров до 10 сантиметров. При входе в комнату за голландской печкой устроено... ложе... На стене над кроватью висят семнадцать икон разного размера от 80 сантиметров и до 10 сантиметров. В переднем углу перед иконами лежит на полу моленный коврик и горит лампада. В комнате еще имеется одна лавка, три табуретки и стол <...>, более никаких предметов нет, кроме как книг Священного Писания. Книги, обнаруженные в квартире, следующие: Служебник – по словам Калинина, он по нему служит, Молитвослов, „Жизнеописания подвижников благочестия“, „История Христианской Церкви“, „Как чудом Божиим строилась русская земля“, „Жизнеописание блаженной старицы Евфросинии“, „Житие Сергия“, „Житие святого Александра“, Псалтирь <...>, „Сказания старца Серафима“, „Земная жизнь Пресвятой Богородицы“, Библия <...>, акафист Иоанну <...>, акафист Богородице, акафист Серафиму <...>, акафист Успению Пресвятой Богородицы, акафист Софии... Три книги без названия... Калинина обслуживает его сестра, гражданка села Оленевка».

Один из милиционеров, объявив диакону, что он арестован, сказал: «Собирайся, дедушка!» Старец немного помолчал, а затем кротко сказал: «Сейчас

соберусь, а тебя завтра хоронить будем». На другой день, после того как отца Иоанна отвезли в тюрьму, милиционер скоропостижно скончался.

29 октября сотрудники НКВД арестовали старосту храма в селе Князе-Умет Дарью Ваганову, обвинив ее в том, что она позволила верующим после богослужения петь канты, содержание которых, по мнению властей, имело контрреволюционный характер.

С 31 октября по 28 ноября начальник районного отделения НКВД допрашивал старца, который, отвечая на его вопросы, сказал: «Действительно ко мне с разных мест ходят люди, которые делятся со мною своим горем. Я сейчас фамилии посещающих лиц не помню, а также не помню, из каких сел они приходят, но часто ходят ко мне граждане сел Оленевка, Соловцовка, Князевка, Борисовка и с ряда других сел, названий которых я не помню. Когда ко мне приходят посетители с разных мест, то приносят яиц, хлеба, яблок, денег и т.д. Когда бывает много посетителей, то я всех не принимаю, так как всех принять не хватает у меня сил... »

4 ноября старца перевезли в тюремную больницу, в которой он пробыл всю зиму, но допросы при этом не прекращались. Верующие старались его здесь навещать, но это было непросто. Параскева Баусова с дочерью собрали старцу передачу и пришли в тюрьму. Передачу приняли, а свидание не разрешили. Но они не ушли и через некоторое время снова стали просить, чтобы дали свидание, и им, наконец, разрешили. Надзиратель, провожая их на свидание, сказал Параскеве: «Я знаю тебя. Ты из Кучков. И я оттуда».

Вышедший к ним отец Иоанн был одет в лапти и халат. Дочь Параскевы стала просить благословения старца на замужество. «Погоди, – сказал он Параскеве, – выйду из тюрьмы весной, тогда увидим, а пока не отдавай»^a.

Однажды, когда отец Иоанн был на прогулке, к нему пришли на свидание несколько женщин; увидев их, он завернул в платок небольшую иконку Божией Матери и, вложив в сверток записку, перебрал к ним через забор. Развернув платок, женщины в записке прочли: «Хлопочите обо мне...»

28 ноября 1936 года следователь допросил старца.

– Через кого вы поддерживали связь с пензенским архиереем и в чем она выражалась? – спросил его следователь.

– Архиерей мне прислал только один раз по почте письмо, где мне и князевскому священнику дал указания, чтобы я служил в князевской церкви. Других связей у меня с архиереем Феодором^b не было...

– Расскажите, кто к вам ходил из Сердобска и какие беседы вы с ними вели.

– Меня из Сердобска два раза посещал мужчина, фамилии и имени не знаю, и он только пил у меня чай, но мне ничего не говорил и я ему ничего не говорил...

– Вы обвиняетесь в том, что ваша квартира являлась сборищем контрреволюционного бродячего элемента, среди которого вы вели контрреволюционную агитацию. Признаете ли себя в этом виновным?

– Ко мне приходили люди из разных мест, но контрреволюционной агитации я не вел.

В тот же день начальник Кондольского отдела НКВД выписал постановление о заключении старца в пензенскую тюрьму, обвинив его в том, что он

^a За то время, пока диакон Иоанн находился в тюрьме, жениха, о котором шла речь, посадили в тюрьму, впоследствии взяли на фронт, и он пропал без вести.

^b Священномученик Феодор (в миру Владимир Алексеевич Смирнов), епископ Пензенский; память 22 августа / 4 сентября.

«систематически вел среди населения контрреволюционную агитацию против существующего строя и его квартира являлась сборищем контрреволюционного... элемента».

30 декабря 1936 года следствие было закончено, диакон Иоанн Калинин и староста храма Дарья Ваганова обвинялись «в том, что среди населения села Князе-Умет, а также и других населенных пунктов Кондольского района вели контрреволюционную агитацию и распространяли провокационные слухи, направленные против советской власти и ее мероприятий...»

Судебное заседание должно было начаться 19 февраля 1937 года в девять часов утра в здании суда в городе Пензе. К этому времени в суд уже прибыла большая часть свидетелей, а в тюрьму – конвой, чтобы сопровождать узников. Однако выяснилось, что у начальника тюрьмы нет лошади для доставки заключенных в суд, и конвоиры, пробыв в тюрьме до трех часов дня, отбыли восвояси, а суд принял решение: поскольку «никаких надежд на доставку обвиняемых Вагановой и Калинина сего числа не имеется, так как в распоряжении дежурного по пензенской тюрьме средства передвижения отсутствуют <...>, Спецколлегия постановила: настоящее дело слушанием перенести на 20 февраля 1937 года на 9 часов утра, обязав начальника пензенской тюрьмы доставить обвиняемых Ваганову и Калинина к указанному времени, для чего послать ему телефонограмму. Расходы, связанные с задержкой свидетелей, отнести на начальника пензенской тюрьмы, возбуждив дисциплинарное преследование против последнего за недоставку в судебное заседание обвиняемых».

20 февраля состоялось судебное заседание. Отец Иоанн, обращаясь к судьям, сказал: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и поясняю: я знаю, что всякая власть от Бога, и советской власти я покоряюсь, в селе Князевка я служил два раза, паломничества я не признаю и прозорливым я не был – это все ложь. Люди ко мне ходили с горем, поговорить, из чего и заключили, что я прозорлив, но им я никогда не был. Я сапожничал ранее и заштатным диаконом лет десять <...>. Я не говорил, что при советской власти плохо, а раньше было лучше, я больше лежу на кровати и про советскую власть никому и ничего не говорил».

Вызванная судьей для ответа Дарья Ваганова заявила, что когда ее арестовали, то она, просидев в тюрьме тринадцать суток, заболела, на что у нее имеется от врача справка, и, будучи больной, подписала, не зная что.

Из допрошенных вслед за ними свидетелей многие заявили, что подписали протоколы допросов, не читая, и записано в протоколах допросов не совсем то, что они говорили.

Выслушав показания свидетелей, суд постановил: поскольку свидетели коренным образом изменили свои показания, данные на предварительном следствии, перенести судебное заседание на 19 марта, допросив свидетелей в судебном заседании.

19 марта 1937 года в час дня началось заседание Специальной коллегии Куйбышевского областного суда, на котором присутствовали адвокат и свидетели. Суд спросил обвиняемых – диакона Иоанна и старосту Дарью Ваганову, – считают ли они себя виновными.

«Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, – сказал отец Иоанн. – Прозорливым меня никто не считал, да я себя и не выдавал за „прозорливого“. У меня бывали люди, но очень мало. Ходили ко мне в келью

граждане своего села, а не из других сельских местностей. Зачем ко мне приходили граждане, я не помню. Просто приходили ко мне поделиться своими несчастьями-горем. Они имели ко мне „притяжение“ как к человеку скромному, непьющему, ведущему отшельнический образ жизни. Кроме граждан села Оленевка ко мне заходили и жители сел Соловцовка и Князевка <...>. Павла Кучина я знаю. Он, будучи почтальоном, приносил мне газеты <...>. Обнаруженная у меня карточка фотографическая Павла Кучина оставлена мне матерью его. Она приносила ко мне эту карточку посмотреть и оставила. Павла Кучина я раньше лечил, когда он болел <...>. Лечение мое выражалось в том, что я помолился за Кучина, и ему стало легче. В знак благодарности Павел Кучин, будучи в Красной армии, прислал мне свою фотокарточку. Я молился не только за одного Кучина, но и за других. Я молился вообще за всех...»

«Виновной себя в предъявленном обвинении не признаю, – ответила староста. – В церкви никакие стихи контрреволюционного содержания не пели. В лес с прихожанами к ключу петь стишки я не ходила, но один раз слышала, как в лесу верующие пели какие-то стихи, но что это были за стихи, я не знаю <...>. Калинин был в нашей церкви в 1936 году. Летом. Приходил приобщаться...»

Вслед за допросами обвиняемых начались допросы свидетелей, многие из которых на предварительном следствии малодушно подписали показания, написанные следователем, и теперь на суде отказывались от них.

«Председатель церковного совета Ваганова никаких разрешений петь в церкви стихи не давала, – заявила жительница села Князевка. – Показания мои в НКВД записаны неверно. Я не говорила, что Ваганова разрешила нам в церкви петь стихи. Протоколы допроса я подписала, не зная, что подписываю. Стихи в церкви мы распевали по своей неопытности и никаких разрешений на это не спрашивали <...>. Протокол следователь мне читал, и я его подписала <...>. Разрешение на пение стихов в церкви у Вагановой брала Панина, и показания мои, данные на предварительном следствии <...>, следователем в этой части записаны правильно <...>. У Калинина в селе Оленевка я была два раза <...>. Я была у него осенью один раз. Приходила и во второй раз посоветоваться с Калининым, стоит ли вступать в колхоз. Калинин сказал мне, чтобы я вступала в колхоз. В колхозе я состою шесть лет, но исключалась, так как мало имела трудодней. После этого я приходила к Калинину посоветоваться насчет колхоза. Он велел мне пойти в колхоз. Вновь в колхоз я вступила весной 1936 года и состою в нем до настоящего времени».

«Летом 1936 года в церковные праздники на Успение и Троицу в церкви нашей пели два раза стишки, – показал житель села Князевка. – Пение происходило между утреней и ранней обедней, когда не было богослужения. Стихи пели слепые старушки и другие верующие, кто именно, сейчас не помню <...>. Граждане самовольно пели эти стихи, никто никаких разрешений на это не давал. Ваганова здесь ни при чем. Она не давала разрешения на пение стихов. Я слышал только, как в церкви пели молитвы, а контрреволюционных стихов не слышал. Я не говорил следователю, что Ваганова давала разрешение на пение стихов. Показания в этой части записаны неверно, и я их не подтверждаю, возможно, что они даны мною, но ошибочно, я просто не понял вопроса <...>. Пели их один раз. Калинина при этом пении не было. В церковь к нам он приезжал помолиться и по окончании службы тут же уезжал в свою „обитель“...»

«Показания, данные в НКВД, подтверждаю, – сказал житель села Соловцовка. – У Калинина я бывал не один раз как у старца-диакона. Мне

известно, что к Калинину ходили граждане – верующие за советами. Среди верующих Калинин пользовался уважением...»

После окончания допросов государственный обвинитель заявил, что поддерживает обвинение и просит приговорить обвиняемых к заключению в исправительно-трудовых лагерях и в дальнейшем – ограничить в правах.

«Достаточных улик против обвиняемых Калинина и Вагановой нет и нет достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора», – заявил адвокат.

Суд предложил обвиняемым сказать последнее слово.

– Я ни в чем не виноват, – сказал старец.

– Калинина я не знала. Контрреволюционные стихи я не распространяла, – сказала староста.

В десять часов вечера судья зачитал приговор: «Подвергнуть лишению свободы сроком на шесть лет каждого и дополнительно <...> применить поражение в правах <...> на пять лет каждого...»

Подсудимые обратились с обжалованием приговора в Спецколлегию Верховного суда РСФСР.

Диакон Иоанн в это время снова оказался в тюремной больнице, и Надежда Калинина, заявив, что она его родственница и желает с ним попрощаться, добилась свидания, которое продолжалось пятнадцать минут. Старец одет был в лапти, голова завязана платком, чтобы хоть как-то облегчить страдания от головной боли. Обратившись к Надежде, он сказал: «Хлопочите обо мне... Из Куйбышева присудили шесть лет за нарушение колхозов и что народ принимал. Спрашивали: „Иван Васильевич, согласен вину признать?“ Я им отвечал: „Нет никакой на мне вины!“»

Надежда раздобыла три тысячи рублей и поехала в Москву хлопотать об освобождении старца; хлопоты ее увенчались успехом. 26 мая 1937 года состоялось заседание Спецколлегии Верховного суда РСФСР.

«Преступление Вагановой выразилось в том, – говорилось в заключении Спецколлегии, – что она, будучи в течение ряда лет церковной старостой в церкви села Князе-Умет <...>, использовала свое положение церковной старосты для антисоветской агитации среди верующих путем организации чтения в церкви и в других местах стихов, по своему содержанию направленных против советского государственного строя, к возбуждению недоверия к советской власти. Распевание таких антисоветских стихов маскировалось тем, что наряду с ними пелись стихи и религиозного характера <...>. Преступление Калинина выразилось в том, что он являлся единомышленником Вагановой в части использования наиболее отсталых верующих женщин для антисоветской агитации <...>.

Допрошенная на предварительном следствии осужденная Ваганова показывала, что по ее разрешению в церкви пелись стихи контрреволюционного содержания, и привела текст этого стиха, однако на суде от него отказалась, заявив, что такого показания следствию она не давала. Ни один из шести свидетелей, допрошенных на суде, не подтвердил контрреволюционной агитации со стороны осужденных, а свидетели <...> отказались от своих показаний на предварительном следствии в той части, где они якобы показывали о том, что Ваганова разрешила петь стихи антисоветского содержания. Не подтвердил ни один из свидетелей и контрреволюционного содержания стихов, которые пелись осужденными и свидетелями». Спецколлегия Верховного суда постановила: приговор отменить и заключенных освободить.

И наступил день, когда диакон Иоанн услышал от надзирателей: «Дедушка, тебе радость, решили отпустить». Когда старец вышел из тюрьмы, то едва держался на ногах от слабости, не зная, сумеет ли он вообще идти. Господь послал лошадь с возницей, и тот отвез старца к знакомой ему женщине, жившей в Пензе, и здесь старец прожил некоторое время. Потом он попросил другую женщину проводить его до Оленевки. До Борисовки их довезли, а затем они пошли пешком. Полкилометра он только прошел и упал на снег. «Пойду в Кулипановку за лошадью», – сказала старцу его провожатая. Но он на это ее не благословил, а сидел на снегу, пока не показались вдали впряженные в телегу быки. Возчики, узнав старца, посадили его на телегу и довезли до края села Оленевка. Отец Иоанн сказал провожатой: «Кричи мужика, он меня снимет и до кельи доведет...» Она покричала, и, действительно, из дома вышел мужик, снял отца Иоанна с телеги, и они пошли дальше. Идти было с километр, несколько раз старец отдыхал, а отдохнув, просил: «Поднимите меня», – поскольку сам подняться не мог. Его поднимали и, поддерживая, почти неся на руках, вели дальше.

Сестра старца, Наталья, искренне обрадовалась, увидев его. Отца Иоанна ввели в дом, разули и уложили на кровать. Однако радость Натальи была непродолжительной – через некоторое время ею овладел бесовский панический страх, с которым она никак не могла справиться. «Меня посадят», – непрерывно повторяла она. И, наконец, не выдержав, велела старцу уходить в деревню Николаевку, расположенную в двенадцати километрах от Оленевки, где жили некоторые из его почитателей.

Старец ей прекословить не стал и, взяв подрясник и палочку, тихо побрел из дома. Одна женщина, узнав об этом, догнала его, когда он с великим трудом преодолел еще только два километра. Он спросил ее: «Ты у нее была? Она что тебе сказала?» – «Вроде велела проводить тебя». Услышав это, старец сказал: «Что мне делать? Везде гонения... и от домашних. Помоги, Господи!»

Шли они эти десять километров очень долго, старец часто ложился на землю и лежал как мертвый. Затем начинал шевелиться, пытался подняться, женщина ему помогала, он поднимался и шел, опираясь на ее руку. Так они дошли до дома, где жила Евдокия Кучарова.

Она давно знала старца. Когда ей было лет двадцать, ее привела к отцу Иоанну ее старшая сестра Анна и сказала ему: «Дуню сватают...» – «За кого?» – спросил старец. «За Маслова». – «Благословляю, пусть идет». Но Анна не пустила свою сестру замуж, и та осталась в девицах. Впоследствии она стала жить в отдельном домике, который и она, и местные жители, по избранному ею почти монашескому образу жизни, называли кельей, часто ходила в храм, а зарабатывала на жизнь вязанием платков.

Оказавшись наконец у нее в доме, отец Иоанн облегченно вздохнул и сказал: «Слава Богу, слава Богу, слава Богу!» Здесь старец прожил полгода. Ночами он много молился, много делал поклонов, так что протиралась на коленях одежда. Он говорил Евдокии: «Смотри, не показывай свою молитву. Господь любит, чтобы к Нему обращались втайне. Хотя бы было всего три поклона, но тайно».

К отцу Иоанну вскоре снова стали ходить люди с вопросами, и Евдокией овладел панический страх. Она начала роптать: «Зачем я его взяла, бочку слез пролила, пока он живет у меня; и меня с ним связали, да еще и посадят. Мне бы, девке, жить бы и жить одной!» Старец со слезами успокаивал ее: «Бог с нами,

Господь все уладит... терпи...»

Кровать у отца Иоанна была длиной едва ли в половину длины его тела, и он спал скорчившись. Грубый войлок служил ему матрацем, укрывался он старым байковым одеялом.

К пожертвованиям, которые приносили старцу его почитатели, он относился весьма разборчиво. Однажды привезли сот меда, но он не велел его брать, а сказал: «Дуня, отнеси и в землю зарой». – «Мне бы дал», – сказала она. «Не жалеёй, это тебе не принадлежит». И рассказал притчу, из которой следовало, что мед этот чужой, не того, кто принес.

Питался отец Иоанн, как дитя, и Евдокию наставлял есть понемногу, и когда она говорила, что голодна, он отвечал: «Не сердись, так надо».

Как-то раз он спросил ее: «Дуня, где ты меня схоронишь?» – «С племянницами», – ответила она, то есть там, где были похоронены племянницы старца, Марфа и Татьяна, у которых он жил после смерти матери. «Нет, меня в другом углу, – сказал он, – на восток. Там мое место, я туда хожу, молюсь о себе... там меня и похороните...»

Через некоторое время его двоюродная сестра Наталья, несмотря на все свои страхи, пригласила отца Иоанна вернуться жить к ней.

В 1943 году некая монахиня собралась посетить диакона Иоанна, об этом узнали ее знакомые и решили послать вместе с ней старцу продуктов – кто принес муки, кто пряников, кто лепешек, нанесли конфет, яблок и хлеба. Она все это принесла старцу и только успела присесть, чтобы перевести дух, как он сразу же настойчиво стал ей говорить: «Не сиди, иди скорее по той дороге». И он махнул рукой в сторону Борисовки, куда ей совсем не было нужно.

Монахиня, не обращая внимания на слова старца, стала развязывать кульки, приговаривая: «Я вот тебе, батюшка, принесла кое-что. Это вот посылает Наталья, а это...» – «Мне ничего не нужно, – перебил ее отец Иоанн, – иди скорее по той дороге». И он снова махнул рукой в сторону Борисовки и крикнул сестре: «Наталья, собери ей еще сумку с продуктами». Та быстро положила монахине в сумку, что у них на тот момент было, и отец Иоанн стал ее выпроваживать. «Ступай, ступай, торопись, – говорил он, – да нигде не задерживайся».

Монахиня с помощью Натальи подхватила наперевес через плечо связанные вместе сумки и пошла по дороге, на которую ей было указано. Ноша, хотя и увеличилась в весе, но показалась ей теперь не такой и тяжелой. Немного она и прошла, как видит: идет ей навстречу женщина и неутешно рыдает. Когда женщина приблизилась, монахиня спросила, о чем это она так убивается. Та рассказала, что у нее дома дети голодные, которым она велела ждать, пока не принесет им поесть, и пошла к председателю колхоза, чтобы он выписал ей что-нибудь, хоть немного картошки, ведь у нее четверо детей с голоду погибают. Но тот отослал ее ни с чем, сказав, что ему неоткуда взять для нее картошки. Монахиня отдала ей все сумки, которые отец Иоанн благословил нести, и уже через несколько минут радостно провожала взглядом женщину, утешенную и успокоенную.

В 1946 году диакон Иоанн подал прошение епархиальному архиерею, написав: «в настоящее время, чувствуя себя пободрее, желаю принимать участие в богослужении в храме <...> в Соловцовке». 25 марта 1946 года епископ Пензенский и Саранский Михаил (Постников) благословил его служить диаконом в Троице-Сергиевском храме в селе Соловцовка, а 2 сентября того же года рукоположил во священника к этому храму.

В конце жизни волосы старца стали совершенно белыми, редкими, на изменившемся от длительного поста лице резко выделялись скулы, в глубоко запавших глазах светились ум и пронизательность, выражение глаз было строгое, но в то же время и доброе. Последние годы жизни его водили в церковь под руки. Проходя по церкви, он благословлял всех подходивших к нему, и лицо его выражало внутреннее умиление и покой.

Обычно старец вкушал ситный хлеб и чай с сахаром, любил всех угощать, чай заваривал сам и сам разливал. Сначала напоит всех взрослых, потом детей. Хлеб ему пекла вдова Ирина Кучина из села Борисовка, но ел он его в самом ограниченном количестве. Ни мяса, ни рыбы он не ел. Ел иногда постный суп – подадут ему, он одну-две ложки хлебнет и велит унести. В последние годы жизни он и хлеб почти перестал есть, пожует его и отдаст птичкам. Иногда порадуется принесенным ему грибам, попробует один, а остальные отдаст.

Некая женщина, Анастасия, решила собрать на масленицу для отца Иоанна продукты. Муж, увидев ее сборы, стал строго спрашивать: «Что это у тебя в узлуту?» – «Это я к батюшке иду...» – «Эх, по такому-то узлу будете носить, целый дом ему постройте». Анастасия пришла к старцу, а он таким же голосом, как ее муж, закричал: «Это что у тебя в узлу-то?» – «Маслица тебе привезла, а это...» – «Эх, по такому-то узлу будете носить, целый дом мне постройте».

Сказала Анна свекрови, что решила поехать к отцу Иоанну; свекровь ей дала для него пять штук яиц, а десять она взяла у нее самовольно, украла. Войдя к старцу, Анна сказала: «Батюшка, я привезла тебе яиц». – «Пять оставь, а десять отвези домой», – сказал он.

Девушка Анна из Пензы захотела уехать жить к сестре в Среднюю Азию и попросила на это разрешение у матери, но та сказала, чтобы она сначала попросила благословения на поездку у отца Иоанна. Анна согласилась и, приехав к старцу, попросила благословения на переезд. Но тот ответил определенно: «Не-е-ет, не благословляю, живи с матерью». Она скрыла ответ старца и сказала матери, что старец благословил ее ехать. Мать собрала дочь в дорогу, и Анна уехала. Приехав на место, она с большим трудом нашла работу и вскоре заболела – у нее отнялись ноги.

Анна написала матери, прося, чтобы ей помогли вернуться домой. Приехав в Пензу, она прежде всего попросила у матери прощения за обман. «Не плачь, дочка, – сказала та, – я поеду к батюшке и попрошу у него прощения». Так и сделала: упав перед отцом Иоанном на колени, она просила простить ее неразумную дочь. Отец Иоанн на это ответил: «Бог простит, Бог простит, Бог простит, выздоровеет». И дал матери для больной дочери святой воды. Вернувшись домой, мать увидела, что ее дочь неуверенными шагами пытается ходить. Вскоре Анна выздоровела и сама поехала к старцу просить прощения и поблагодарить за молитвы.

Приехала к старцу женщина сорока лет, Александра, из села Кевда-Мельситова, попросить благословения выйти замуж за некоего вдовца, но отец Иоанн ей сказал: «Нет, за него не благословляю. Вот твой жених, вези и венчайся». И быстрым движением руки показал на стоящего у двери слепца, который стал подходить к нему под благословение, но старец, не дав ему произнести и слова, сказал: «Благословляю, иди венчайся».

Нежданно-негаданно оказавшись женихом и невестой, они вышли на улицу и стали беседовать. Слепому было пятьдесят лет, он жил у сестры, но сестра умерла, и он собирался просить совета у старца, жениться ему или нет, так как у

него не осталось никого из родных. Послушавшись старца, они повенчались и мирно прожили жизнь.

Одна женщина пришла к отцу Иоанну поведать ему свои горести, и он, побеседовав с ней, протянул сто рублей. «Батюшка, у меня есть», – сказала она. «Надо, чтобы не роптала», – ответил он.

Приехав домой, она открыла сундук, где должны были лежать сто рублей, на которые она очень рассчитывала и о которых говорила, что они у нее есть, но денег на месте не оказалось. Вспомнив слова старца, она постаралась не роптать на пропажу.

Некая женщина скорбела, что от ее сына с фронта нет никаких известий, и, попросив, чтобы отец Иоанн поусердней за него помолился, принесла принадлежавшее сыну белье. Старец замахал на нее рукой и быстро-быстро стал говорить: «Мне не надо. Иди сейчас же на станцию и не останавливайся нигде».

Женщина послушалась, забрала сверток с бельем и, печалась, что отец Иоанн не взял приношение, направилась к станции. Придя на станцию, она стала осматриваться по сторонам, когда к платформе подошел поезд с солдатами, с любопытством выглядывавшими из вагонов. И вдруг она услышала хорошо знакомый ей голос: «Мама! Мама! Мама!» Это сын увидел ее из вагона.

Поезд стоял на станции всего несколько минут, но она успела передать сыну белье и ушла счастливая тем, что он жив и здоров.

Девушка Мария из села Соловцовка пришла к старцу просить благословения на замужество. К ней сватался молодой человек из Одессы, временно в их местах работавший. «Милая моя, – сказал ей отец Иоанн, – он тебе не жених, завезет и бросит». Она отказала «жениху», а впоследствии выяснилось, что тот был женат и имел детей.

Елизавета, жительница расположенного неподалеку от Оленевки хутора, тяжело заболела, врачи признали аппендицит. Но она без благословения старца ничего не делала и отказалась от операции, и ее отвезли домой. Оказавшись дома, она тут же послала к отцу Иоанну племянницу, чтобы он через нее благословил ее на операцию. Но тот только сказал: «Не благословляю на операцию». И передал ей святой воды. Три дня Елизавета пила эту воду и выздоровела.

Тяжело заболела Матрона Васильевна Епинина из села Каменки. Врачи признали язву двенадцатиперстной кишки и направили на операцию. Ее сестра, собиравшаяся ехать к отцу Иоанну, позвала ее с собой и сказала: «Я еду к старцу спросить, жив ли мой сыночек, поедем со мной. Пожалуйтесь на болезнь, попросишь благословения на операцию». Та согласилась, хотя про себя и подумала, что это все бесполезно. Ехала она туда, с трудом преодолевая боль. Пришли они к келье старца позже других, отец Иоанн уже не принимал. Около кельи стоял и переговаривался народ, что уже опоздали, не принимает никого. Постояли все, поговорили-поговорили да обратно пошли. Матрона Васильевна с сестрой побрели вслед за всеми. И вдруг видят: за ними бежит племянница старца: «Вернитесь, вас зовет. Присмотрит».

Войдя в келью, Матрона Васильевна стала рассказывать, что врачи назначили делать операцию, и объяснять, где именно болит, но старец не дал ей договорить и только сказал: «Не будет болеть. Выздоровеешь, выздоровеешь, выздоровеешь». И благословил ее. «А мой сыночек без вести пропал, как его поминать: о здравии или за упокой?» – спросила сестра Матроны Васильевны. «О здравии, о здравии! Жив вернется. Которые и двадцать лет, и те вернуться».

Выйдя от старца, Матрона Васильевна почувствовала себя совершенно здоровой, а сын ее сестры действительно оказался жив и вернулся.

Шестилетняя девочка Клавдия повредила руку. Место повреждения покраснело, и появилась небольшая опухоль, на больном месте со временем образовался гной. Мать повела ее к врачам, но они ничем не смогли помочь и предлагали ампутировать руку, но на это мать не согласилась. Кто-то из знакомых предложил ей вместе с дочерью поехать к отцу Иоанну в Оленевку. Выйдя из поезда, они обнаружили, что к старцу направляется множество народа, с которым они и пошли по вьющейся через поля дороге. Когда подошли к домику, где жил отец Иоанн, то увидели, что и здесь сидят посетители, в основном женщины, в ожидании, когда их примет старец. Наконец их пустили в маленькую комнатку, где жил худенький, благообразной наружности старец. Клавдия подошла взять благословение, в то время как мать стала рассказывать о ее болезни. Но старец, казалось, не слушал, быстро повторяя: «Пройдет, пройдет, пройдет». Он дал матери освященного масла, святой воды и велел, помолившись, три раза в день смазывать гноющуюся ранку. На третий день, как они стали это делать, ранка перестала гноиться, а затем стала затягиваться, и со временем около кисти остался только рубец.

Некая женщина по имени Мария собралась ехать к старцу. Настроение у нее было радостное. Желая порадовать отца Иоанна, она заготовила ему грибочков, зная, что тот их когда-то очень любил. Когда Мария вышла из дома, навстречу ей попала женщина, которая остановила ее и спросила: «Скажите, пожалуйста, где у вас живет женщина, которая делает аборт?» Мария, погруженная в размышления о свидании со старцем, молча посмотрела на женщину, не вполне понимая, о чем она спрашивает. И та повторила: «Где у вас живет тетя Дуня, которая аборт делает?» – «А, тетя Дуня? – повторила Мария, по-прежнему не осознавая сути вопроса. – Она живет по той улице, второй дом от угла», – показала она рукой и быстро побежала дальше, вернувшись мыслями к старцу, как он будет радоваться ее приходу и что скажет. Перед кельей старца стояла толпа народа, но вышла его сестра Наталья и, ткнув пальцем в Марию, сказала: «Заходи ты!»

Чуть слышно она вошла в келью, перекрестилась и подошла взять благословение: «Благослови, батюшка!» И вдруг слышит крик: «Зачем ко мне пришла? Иди, показывай дорогу, идите, убивайте детей!» – «Батюшка, да что же я сделала?» – «Ступай, ступай, ступай», – тихо повторил старец. «Батюшка, вот грибочки я набрала», – пробормотала Мария, трясущимися руками подавая сумку. «Ничего мне не надо, ступай», – устало сказал он, и голова его упала на грудь. Пулей вылетела Мария из кельи и только тут поняла, что, показывая путь ко греху, сама стала участницей в нем.

Некоторым бедным семьям старец благодетельствовал в течение многих лет из тех небольших средств, что ему жертвовали, как, например, жившей в селе Борисовка семье Антонины, родители которой имели много детей. Сестра Антонины, Анна, часто болела, и отец Иоанн передавал ей святую воду, но незадолго до ее кончины, ей было в то время двадцать пять лет, не передал, а сказал: «Не надо. Через три дня она придет домой». Через три дня Анна умерла, и отец Иоанн дал семье денег, чтобы ее похоронили достойно. Антонина ходила к старцу с шести лет, и он любил, когда она приходила. Нежно погладит ее по головке и скажет, обращаясь к своей грубоватой келейнице: «Вот такими бы нам надо быть, Наташа, вот такими!» Он очень любил детей, и когда Антонина

приходила, он говорил ей: «Ах, ты моя дорогая, хорошенькая. Пришла. Как я по тебе соскучился». Он всегда знал заранее, когда она придет, и говорил сестре: «Наташа, открой. Тоня пришла».

Повзрослев, Антонина спросила отца Иоанна: «Как мне, батюшка, жить?» Он ответил: «Так и живи одна. Будешь болеть. Одна не пропадешь, всех лучше будешь жить. В церкви тебя все будут знать». Антонина послушалась старца, осталась девицей, стала работать в церкви уборщицей и, хотя была неграмотна, пела на клиросе почти все наизусть, также и молитвы она все читала по памяти. За кротость и смирение она заслужила глубокое уважение многих.

Однажды Антонина пришла к отцу Иоанну с Татьяной Оськиной. Еще будучи дома, та спросила ее: «Сколько мне яичек с собой взять?» – «Возьми десяток», – посоветовала Антонина. А та на это со смехом: «Ну, да и хватит, все равно он мне наболтает».

Когда пришли к отцу Иоанну, Татьяна сказала: «Вот я тебе гостинчик принесла». – «Положи», – сказал старец и, обращаясь к сестре Наталье, сказал: «Наташа, расколи яички и поболтай...» Она расколола яички, а они оказались все черные. «Я не ворожея, – сказал Татьяне отец Иоанн, – иди к ворожеям, они тебе наболтают». А Антонине заметил: «Ты ко мне с такими людьми не ходи...»

В храме, когда был в силах, отец Иоанн совершал во время всенощной елеопомазание сам. В это время люди спрашивали у него совета, и он кратко, в нескольких словах отвечал. Для всех обращающихся к нему отец Иоанн был утешитель и помощник.

Одна женщина похоронила свою девятнадцатилетнюю сестру, к которой была очень привязана, и никак не могла утешиться, все ходила к ней на могилу и плакала, забросив свои домашние дела. Пришла она к отцу Иоанну. «Чего ты плачешь?» – спросил он, хотя в это время она и не плакала. «Сестру похоронила», – ответила она. «Сколько у тебя детей?» – спросил он. «Двое». – «А ты не боишься их оставить?» – спросил старец. И дал ей просфору и святой воды. От отца Иоанна женщина вернулась пережившей – куда и пропала тоска, и она, наконец, смогла заняться делами. А раньше бывало, все на работу идут, а она на кладбище бежит, как на работу.

Наталья Володина, жительница Пензы, встретила как-то у родника сватью и спросила ее: «Как поживаешь, свашенька?» – «Все бы ничего, да только постов я не соблюдаю, на работе с врачами да сестрами ем все, что подают». – «А у нас Параскева, – стала рассказывать Наталья, – ездила к отцу Иоанну и пожаловалась ему на себя: „Батюшка, я не пощусь, у меня желудок больной, молочко ем“. – „Все равно век-то не прибавишь“, – ответил он. Она вернулась и с тех пор начала поститься, и с первого же раза желудок болеть перестал, и все посты, какие установлены Церковью, она исправно смогла соблюдать».

Пришла однажды к отцу Иоанну жительница Пензы по имени Наталья и стала жаловаться, что у нее рак груди, а врачи не хотят делать операцию, говорят, что она ее не вынесет из-за плохого состояния сердца. Отец Иоанн благословил ее делать операцию. Вернулась она домой и не знает, что делать, и снова пошла к врачам, у которых была, но те ей снова стали отказывать. Во время их разговора в кабинет зашел хирург, только что приехавший из Ленинграда; он предложил осмотреть Наталью и после осмотра велел сразу же готовить ее к операции. Операция прошла успешно; три дня приезжий хирург наблюдал за Натальей, а на четвертый, сообщив, что он уезжает, добавил: «Считайте, что вы воскресли ради меня». – «Если бы Бог не помог, вы бы не смогли», – заметила Наталья. «Ну,

считайте как хотите, оставайтесь, будьте здоровы», – попрощался с ней доктор.

Двоюродная сестра старца Наталья и дочь ее Юлия обижали, притесняли и обирали его, но он никому никогда не жаловался на них, а старался пожертвованное ему побыстрее раздать нуждающимся. Однажды к нему приехал человек и подал пакет с деньгами, а старец, взяв пакет, тут же передал его женщине, которая только что вошла к нему в келью. Тот недоуменно произнес:

«Батюшка, в пакете я вам деньги дал...» – «Знаю». – «Там много, пятьсот рублей». – «Знаю, но ей нужно, она корову купит».

Женщина бросилась старцу в ноги и со слезами спросила: «Откуда ты знаешь, что у меня корова пала?» – «Иди, покупай», – сказал старец.

Великий пост в 1951 году был последним постом в жизни старца, и он провел его в строгом воздержании. Архиепископ Пензенский Кирилл (Поспелов), зная, что отец Иоанн становится все более немощным, послал к нему своего врача, чтобы, если нужно, оказать ему медицинскую помощь. «Батюшка, к тебе владыка врача послал на машине», – сообщила ему племянница Юлия. «Пусти», – тихо, почти шепотом произнес старец.

Доктор, подойдя к отцу Иоанну, стал его осматривать и прослушивать и, наконец, собирая инструменты, сказал: «У него ничего не болит, совершенно здоров ваш старец, он просто очень ослаб, потому что ничего не ест. У него желудок почти усох...» И, обращаясь к отцу Иоанну, стал ему почти в ухо кричать: «Иван Васильевич, ты ничего не ешь, так нельзя, надо есть, ведь ты себя голодом уморишь и умрешь...» Старец никак не реагировал на его слова, и казалось, что он их вовсе не слышит. Домашние старца стали спрашивать доктора, сколько дать ему за визит. «Сколько хотите», – ответил тот. «Дайте ему полторы сотни», – тихо прошептал отец Иоанн. Здесь же в сенях стоял мужчина, который вынул деньги и отдал доктору.

Перед Ильиным днем старец просил передать близким, чтобы они поскорей приезжали к нему, так как скоро будет праздник; так он назвал день своей кончины. 1 августа отец Иоанн был в храме, несколько раз с ним случались приступы, так что думали, что он тут же, в храме, скончается. Отец Иоанн попросил спеть тропарь Воскресению Христову. Хор трижды спел «Христос воскрес...». Отец Иоанн чувствовал себя так плохо, что попросил отвезти его домой, и дома, несколько придя в себя, благословил всех, кто пришел к нему в этот день после службы, дав каждому наставление, кому как жить дальше.

Отец Иоанн скончался 6 августа 1951 года. На его отпевание и погребение собралось множество людей. Целую ночь в храме читалось Евангелие, люди молились, никому не хотелось уходить. Все подолгу прощались со старцем и, с молитвой обращаясь к нему, прикладывались к Евангелию, лежавшему у него на груди, и к руке.

Наталья Володина из-за больной ноги с трудом добралась до храма и всю ночь молилась у гроба старца, и только под утро вспомнила о своей болезни и поняла, что исцелилась.

После литургии состоялось отпевание отца Иоанна, в котором приняли участие пять священников во главе с настоятелем храма протоиереем Димитрием, охарактеризовавшим почившего как воистину святого человека. Когда закончилось отпевание, гроб подняли и понесли на кладбище в село Оленевка, на место, где старец завещал себя похоронить. По дороге люди менялись, каждому хотелось хоть сколько-нибудь понести гроб, старались прикоснуться к нему, бросали на дорогу цветы и траву, как на Троицу, и солнце

светило и переливалось, как бывает на Пасху. По всему кладбищу распространилось благоухание. Еще при жизни отец Иоанн завещал некоему рабу Божию Василию поставить крест на его могиле, но только обязательно, чтобы тот был деревянным. Вопреки его желанию был поставлен металлический крест. Через некоторое время старец явился Василию во сне и велел крест заменить; пришлось его менять на деревянный.

Еще при жизни, отвечая на сетования духовных детей, что они будут без него делать, старец им говорил, чтобы приходили к нему на могилу молиться. И при всякой необходимости – в горе или болезни – верующие приходили к старцу на могилу, чтобы излить свое горе или попросить об исцелении, и зачастую получали просимое.

6 августа 1996 года останки отца Иоанна были перенесены в ограду Троице-Сергиевской церкви села Соловцовка, а 31 мая 2001 года были обретены его мощи и помещены в Троице-Сергиевском храме.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»

Тверь. 2016. С. 13-50

Примечания

¹ Это был Федор Шиканов, который об этом эпизоде своей жизни показал во время следствия: «Около двух лет тому назад в целях получения дополнительных источников для существования я придумал легенду, что в г. Пензе скрываются три старца-пещерника, которым необходимо помогать через меня, т.к. другой никто их места пребывания не знает, и они другому никому не показываются. Основным источником, откуда я получал деньги, являлись Плешаков Осип Иванович, ктитор конногородской церкви <...>. Но около полугода тому назад он настойчиво стал требовать, чтобы я показал ему этих старцев. Но так как мне некого было показывать, то я решил их убедить другим путем, т.е. прислать через меня письмо от старцев. К составлению письма я привлек свою старую знакомую старушку лет семидесяти, Лидию Карловну, проживает в г. Пензе по Поперечно-Покровскому переулку, дом 22. Живет подаяниями. Письмо она писала под мою диктовку, якобы от имени старцев-пещерников – владыки Петра, протоиереев Ивана и Филиппа. В этом письме Плешаков и Степанов извещались о том, что они даваемые деньги получают, и под страхом проклятия запрещалось узнавать место нахождения этих старцев, одновременно сообщалось, что церковь пока существует, так как основным средством выкачивания денег от Плешакова являлось то обстоятельство, что он очень боялся закрытия церкви и всегда просил у старцев предсказать, когда будет закрыта церковь. Но в конце концов и письма не стали действовать, и мне деньги давать не стали <...>. Все поступающие средства в большей доле я присваивал себе, часть из них, небольшую, выделял на передачи в домзак для заключенных в тюрьме».

² Илья Кузьмин, тридцати двух лет; оставив жену и детей, он с 1930 г. стал странствовать, выдавая себя за пророка Илию по примеру своего дяди, выдававшего себя за Иисуса Христа. Он имел при себе платочек, о котором говорил, что он дан ему с неба, а также писал и распространял «святые письма», которые получавшие их должны были под разными угрозами переписывать в определенном количестве и раздавать другим. В 1931 г. Илья в селе Голодаевке, где был закрыт храм, стал собирать народ и агитировать за открытие храма. В конце концов верующие получили ключи и отправились убирать храм, а часть осталась митинговать перед сельсоветом. Илья в это время сбежал. Дело окончилось восстанием против советской власти, которое вскоре было подавлено. С этого времени Илья, понимая, что его разыскивают как инициатора восстания, перешел на нелегальное положение. 22 октября 1933 г. он пришел в храм в селе Дертеве Телегинского района вместе с пятью женщинами, как бы символизирующими пять мудрых евангельских дев, и, в частности, с Марфой Давыдовой, выдававшей себя за Христову невесту, которые, войдя в храм, в то время как Илья начал «пророчествовать», стали кричать: «Спаситель перед вами! Спаситель! Кланяйтесь ему в ноги! Христос воскрес! Пойте все Христос воскрес!»

Вышедший к ним для объяснений священник потребовал прекратить безобразие. На что Марфа Давыдова закричала: «Ты замолчи! Я тебя в тюрьму посажу! Он спаситель! Я его признаю за спасителя!» В конце концов они были выведены из храма и задержаны представителями власти.

³ «ВКомиссию советского контроля при СНК СССР

группы верующих с. Соловцовка Кондольского р-на Куйбышевского края в числе 710 человек верующих в лице уполномоченных Пелагеи Осиповны Герасимовой и Дмитрия Григорьевича] Матвеева (адрес: п. о. Кромщино, с. Соловцовка Куйбышевского края)

Жалоба

Гениальным декретом, имеющим мировое значение, изданным в 1918 г. партией и правительством РСФСР (СУ РСФСР № 18 – 1918 г., ст. 263), Церковь отделена от государства и школы и провозглашена свобода совести и религии.

Данным декретом предоставлено „право“ группам верующих разных религиозных общин и толков – заключать договоры с местной властью на аренду помещений и имущества религиозных культов, каковые могут быть аннулированы лишь только в случаях „нарушения группой общественного порядка и спокойствия“ (ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 915. Л. 9-10.).

К несчастью, этот гениальный декрет как бы забыт не только местной, но даже и центральной властью.

На основании указанного декрета группа верующих с. Соловцовка, насчитывающая в своем числе до тысячи человек, спокойно пользовалась зданием церкви для исправления своих религиозных потребностей до июня м-ца 1935 г., когда ей было заявлено местной властью, что по постановлению Куйбышевского крайисполкома, по ходатайству председателя Кондольского РИКа, церковь с. Соловцовка передается под школу.

Встревоженная группа верующих сейчас же послала своих уполномоченных с заявлением о протесте, подписанным одной тысячей человек верующих, в Куйбышевский крайисполком, но такое, видимо, осталось без последствий.

Не дождавшись никакого результата от Куйбышевского крайисполкома, уполномоченные верующих с. Соловцовка тотчас же поехали в центр – в Культкомиссию ВЦИКа РСФСР с той же жалобой, но уже без подписи тысячи человек верующих, каковая, видимо, затерялась в Куйбышевском крайисполкоме.

Культкомиссия ВЦИКа РСФСР признала закрытие церкви с. Соловцовка неправильным и предложила уполномоченным „словесно“, не дав письменного распоряжения местной власти с. Соловцовка, в дальнейшем использовать церковь села для религиозных нужд.

В апреле м-це текущего 1936 г. председателем Кондольского райфо т. Захаровым было объявлено председательнице группы верующих, что по постановлению Культкомиссии от 20/III-36 г. церковь с. Соловцовка закрыта, несмотря на то, что все причитающиеся финсборы как за аренду помещения, так и за служителей культа были уплачены группой верующих вперед – целиком за весь 1936 г.

На вторичный личный протест уполномоченных группы перед Культ комиссией ВЦИКа о закрытии церкви таковые получили „формально-бюрократический“ ответ, что церковь закрыта по ходатайству группы (небольшой) антирелигиозников с. Соловцовка еще в 1935 г., т.е. как раз наоборот и вопреки декрету 1918 г.

Культкомиссия ВЦИКа не обратила внимания на протест уполномоченных, что в прошлом 1935 г. та же Комиссия ВЦИКа РСФСР дала „устное“ распоряжение уполномоченным верующих – использовать в дальнейшем церковь на свои нужды.

В силу изложенного группа верующих с. Соловцовка Кондольского района Куйбышевского края, признавая действия о закрытии церкви с. Соловцовка как местной власти, так и Культкомиссии ВЦИКа РСФСР неправильными, просит Комиссию советского контроля при СНК СССР рассмотреть данное дело и вернуть церковь с. Соловцовка группе верующих для дальнейшего использования таковой по прямому ее назначению.

3 июня 1936 г. уполномоченные верующих с. Соловцовка за неграмотную Герасимову № 1 Морев, Матвеев Дмит[рий] Григор[ьевич]».